

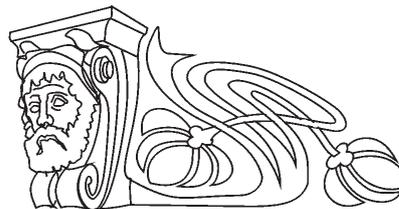

УДК 115

ВРЕМЯ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Пилипенко Елена Александровна –

кандидат физико-математических наук, доцент,
докторант кафедры философии и методологии науки,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: e.pilipenko@bk.ru

Целью настоящей работы является анализ существующих представлений о времени философов-постмодернистов. Показано, что в философском постмодернизме не существует единых представлений о времени, так как сама философия постмодернизма не представляет собой единую целостную совокупность взглядов. Строится краткая ретроспектива философских представлений о времени (Ж. Дёлез, Ж. Деррида). Показывается, что время в философском постмодернизме всегда мыслится свойством сознания: оно не разворачивается в реальности, а лишь постигается опосредованно через знак, различие, традицию, память, культурный горизонт. Выделяется существенная роль настоящего, «поглощающего» прошлое и будущее, и в силу этого самодостаточного. Время больше не мыслится объективным, универсальным свойством мира, а рассматривается как имманентное сознанию, субъективное и специфичное. Доказывается, что неопределенность онтологических свойств времени связана с его чрезвычайной сложностью как феномена, гарантированной самими современными естественно-научными результатами.

Ключевые слова: время, философия постмодернизма, деконструкция, сознание, различие, след, знак, текст.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-31-35

Время – важнейший бытийный феномен, без осмысления которого не обходится ни одна хоть сколько-нибудь значимая философская концепция, а взгляды на время характеризуют философские эпохи. В этой связи чрезвычайно интересным кажется анализ самых современных философских представлений о времени, особенно представлений философского постмодернизма, сосредоточившего свое внимание на сложности и перманентной изменчивости социального мира.

Философский постмодернизм, проповедуя отказ от прежних идеалов, отрицающий саму возможность «достоверности и объективности», не может не отказываться и от традиционного понимания времени [1]. Истинный идеал постмодернистов – это хаос, именуемый Ж. Делезом «хаосмосом», первоначальное состояние неупорядоченности, несконструированных возможностей. Для «постмодернистской чувствительности» характерно ощущение мира как хаоса, где критериев ценностей не существует; в постмодернистском дискурсе центр – фикция, а истина заменена иллюзией, симулякром, копией никогда не существовавшего оригинала [2]. Любое подобие

порядка нуждается в немедленной деконструкции – освобождении смысла путем замены фундаментальных философских понятий [1], и именно деконструкция становится универсальным методом постмодернизма. В процессе деконструкции происходит разложение традиционной структуры, а истину можно рассматривать «как некий “ансамбль” который был сконструирован» [3]. Как результат, всякие традиционные представления становятся бессмысленными, а время тоже становится фикцией, симулякром, свойством сознания, представлением.

Сразу заметим, что непосредственных исследований проблемы времени в различных философских концепциях постмодернизма немного, хотя те, что существуют, нельзя не признать значимыми и даже знаковыми. Речь, в первую очередь, разумеется, идет о деконструкции Ж. Деррида, о его знаменитых работах «Голос и феномен» [4], «Презентация времени» [5], и о представлениях Ж. Делеза [6]. Однако вся философия постмодернизма настолько сосредоточена на непрерывной изменчивости социальной реальности, на постоянно сменяющихся друг друга становлении и разрушении, на хаотичном, на преходящем, на асимметричном, на адогматичном, что время присутствует практически во всяких постмодернистских размышлениях о реальности как фон, порой едва различимый, как скрытая координата, как непознанный и непонятный механизм всяких изменений, так что все происходящее являет себя лишь как неявная функция времени. И для того, чтобы различить это неявное, ускользающее, но такое значимое для перманентной социальной изменчивости время, имеет смысл воспользоваться столь значимым для постмодернистской философии методом интерпретации, и тогда герменевтика скрытых смыслов и трактовка происходящего в реальности позволяют понять, что время есть в ситуации постмодерна.

Плюрализм, самая известная принципиальная особенность постмодернизма, затрудняет проводимый нами анализ, но и вместе с тем делает его более интересным. Существование множества постмодернистских концепций ре-

альности, в каждой из которых время должно определяться особенно, приводит и к разнообразию возникающих смыслов времени. Однако уже в самих основаниях постмодернизма заложено отрицание классических линейных или циклических представлений о времени. В самом деле, хаос социальной реальности, ее тотальная бесструктурность, перманентная сложная динамика не допускают самой возможности линейного протекания времени, точных циклических повторов происходящего, заставляют предполагать время нелинейным, не текущим, а «растекающимся», допускающим инверсии. С этим сложным, возможно, обратимым временем с особыми масштабами, задаваемыми человеческим сознанием или социальными практиками, возможно все. Это время способно «замирать» или даже исчезать вовсе, как это происходит, например, в бодрийеровской гиперреальности [2]. Это время создает постоянно длящееся настоящее, заставляет его поглощать прошлое и будущее, делает их несуществующими [6]. Это время обуславливает двойность самого себя, существование двух времен: времени – настоящего и времени прошлого – будущего [6]. Это время, существующее в сознании и отсутствующее в реальности, – одновременно существующее и несуществующее время-призрак.

И такое сложно бытийствующее, лишенное истинных предикатов время невозможно описывать непосредственно и однозначно: это уже не то универсальное классическое время, для определения которого достаточно было единственной фундаментальной категории. Вот почему время в постмодернистском дискурсе – это всегда не только время, но и что-то еще. Время всегда имманентно сознанию и ассоциируется со смыслом [5], с последовательностью знаков, с текстом [7], со «следом» [4], с различением [8], с интерпретацией социального, с его осмыслением, разворачиванием, «раскадровкой», с социальной памятью, традицией или их отсутствием, с направленным в будущее проектом, с даром, наконец. На помощь приходит принципиальная эклектика постмодернизма, которая и задает появление в некоторых известных концепциях синтетических суждений о времени, в которых сливаются античные категории с философскими неологизмами и литературными метафорами. Заимствуя идеи Античности, философский постмодернизм обнаруживает парадоксы времени и элиминирует его традиционные смыслы, обнаруживает онтологически разные времена.

Так, Ж. Делез при описании времени связывает его со смыслом, его двойность обозначает посредством категорий «эон» и «хронос», имею-

щих долгую и хорошо известную философскую историю [6]. У Делеза «хронос» – это всегда ограниченное «телесное» настоящее, «эон» – неограниченное бестелесное прошлое и будущее. Смысл существующего, происходящего находится в постоянном движении, и именно поэтому с ним связано время: время есть улавливаемый в реальности смысл, зафиксированный смысл есть событие. По Делезу, существует два настоящих. Настоящее может существовать как *всё*, и в этом случае прошлое и будущее лишь указывают на относительную разницу между двумя настоящими с разными протяженностями, которые могут быть наложены одно на другое сравнением смыслов. Но настоящее существует и как *ничто*, как «чисто математический момент», как «бытие разума», как *неуловимое мгновение*, выражающее прошлое и будущее, на которое оно разделено. Это и есть эон – «прошлое-будущее», которое в бесконечном делении настоящего-ничто безостановочно разлагается на прошлое и будущее, всегда уклоняясь от настоящего [6]. Но тогда существует и два времени: одно есть совокупность «сплетающихся» настоящих, а другое всегда распадается на прошлое и будущее. Время – это «хронос» и «эон» в своем различении и единстве.

Представления о двойственности времени поддерживаются и Ж. Деррида в его деконструкции аристотелевской «метафизики присутствия» [4]. Известно, что категория «время» имеет принципиальное значение для «метафизики присутствия», в основе которой присутствуют положения о привилегированном настоящем. Два главных онтологических вопроса: бытийствует ли время и какова его природа? – получают в деконструкции Деррида и в метафизике Аристотеля принципиально разные ответы. У Аристотеля время принадлежит бытию, т.е. не может не быть, а природа времени представлена моментами, мгновениями, время состоит из времени «сейчас». Для Деррида же время – невозможное сочетание бытия и небытия, нечто, принадлежащее и бытию и небытию. В работе «Голос и феномен» Деррида отмечает двойность момента времени: он есть одновременно то, чего уже нет, и то, что еще не наступило [4]. Деррида указывает на следующий парадокс: *если то, что понимается как время, существует, то времени нет, если же это действительно время, то оно не может существовать*.

Проблема бытия времени в деконструкции связана с анализом актов сознания. Апофеозом этих размышлений становится тезис Деррида о несуществовании времени в мире. Сознание достигает абсолютного знания как совпадения существующего (трансцендентного бытия) с

известным о нем (имманентным познанием). В случае со временем это означает, что сознание способно объединять моменты времени в последовательность, воспринимать их как «кадры бытия» и «проецировать» фильм о жизни мира на экран сознания. Но совпадения трансцендентного с имманентным при этом не происходит, поскольку время само по себе не разворачивается в бытии. Выходом из этой ситуации, по Деррида, является признание только имманентного синтеза времени, существование только времени сознания, а вопрос о существовании времени бытия при этом остается открытым. Временное человеческое существование разделяется с вневременным бытием мира: бытие оказывается вневременным и поэтому аннигилирует время. Время возможно только в отсутствие бытия, оно небытийственно, оно невозможно как существование, но возможно как несуществующее.

Трансценденцию мгновенного акта сознания Деррида описывает с помощью понятий «след» или «знак». След – это то, что дает возможность повторения, именно повторяемость позволяет идентифицировать акты сознания. Таким следом, по Деррида, является лингвистический знак, значимый только относительно другого знака, который он обозначает. Коррелятами времени выступают пронизывающие время значения. Но след повторяющий есть не след повторяемый, а есть след «замещающий». Неидентичность и вместе с тем заменяемость следа позволяют представить время как взаимообусловленность и взаимозависимость моментов «сейчас», что ведет, в конечном итоге, к такому представлению о времени, когда время, действительно, течет, сохраняет при этом свою последовательность и не требует пространственной мультипликации. Основную идею понимания времени у Деррида можно выразить еще и следующим образом: все в человеческом мире случается в рамках горизонтов сигнификации – культурных горизонтов социального мира. Итак, разворачивающееся время присутствует только в сознании живущего и осознающего свое временное существование индивида, в мире оно отсутствует.

Деррида вводит и понятие «различение». Различение содержит, кроме смысла «не быть тождественным», смысл «откладывать на более поздний срок». В этом контексте настоящее всегда представляет собой отличное настоящее, ибо, лишь став прошлым, оно окажется настоящим. По мысли Деррида, история существует лишь постольку, поскольку настоящее опаздывает по отношению к самому себе. Прошлое удерживается настоящим, настоящее же содержит наброски будущего. Из этого следует, что настоящее одновре-

менно уже прошедшее и еще только наступающее. Следовательно, еще настоящее прошлое и уже настоящее будущее конституируют настоящее, которое уже не настоящее (прошлое людей), и настоящее, еще не наступившее (будущее людей). Такая двусмысленность настоящего и его несовпадение с самим собой и продуцируют различия. Двусмысленность или, по Деррида, исходное различие смысла и бытия не может быть преодолено конечным триумфом однозначного смысла.

Итак, время в философии постмодернизма становится источником различия или различения, превращающим его «явление» в «следы», которые никогда не могут быть явными. Время тем самым лишается своего «личностного» измерения, но становится иррациональной стихией, в которой содержится залог освобождения от «тирании разума».

Но время, по Деррида, – это еще и дар, или презентация [5]. Время есть дар несуществования, который забывает бытие еще до его появления и тем самым образует некие иные, небытийственные структуры человеческого существования или образуется этими структурами. Время не может презентовать ничего такого, что можно увидеть, оно ведь само по себе невидимо: этакая невидимая возможность всего, чего угодно, кроме себя самого, и потому – невозможность. Время нельзя получить, но время презентует все, что существует.

Но возможен и еще один горизонт осмысления времени, связанный с предельным вниманием философского постмодернизма к языку как к основанию социальной реальности, как к дискурсу, как к важнейшему способу репрезентации социума, как к тексту, как к автономной реальности. Все есть текст, и уже сама возможность чтения этого тотального, сложнейшего, постоянно текущего текста предполагает его разворачивание во времени, временность. Интерпретация всякого социального как текста допускает ситуации, когда текст разворачивается и сворачивается, обращается, и тогда неизбежно обратное «прочтение», означающее обратимость времени, необходимость его движения вспять.

Необходимое стирание временных границ сопряжено в постмодернизме и с потерей значимости традиции. Вместо нее на первый план выходит не воспоминание, а «цитирование» как игра с «уже бывшим», как манипулирование интертекстуальностью. Авторитет и опыт превращаются в ничто. Мир выступает как плюралистичное Нечто, не сводимое ни к одному объединяющему универсальному принципу. Исторические события представляются лишенными всякого смысла и направлений. Время

утрачивает модусы и выступает как «прошло-настоящее». Форма теряет смысл, воцаряется открытая антиформа; в истории господствует случай, замыслу и закономерности места нет; иерархия как принцип структурной организации уступает место анархии; на место творчества встает деконструкция; центрирование сменяется рассеиванием; вместо углубления, традиции, укорененности предлагается ризома и «пересечение поверхностей». Означающее вытесняет означаемое, цель подменяется игрой, определенность – неопределенностью. Споры идут вокруг нового отношения к прошлому, к истории. Отрицание идеи целого разрывает связь времен.

Но возможен и другой взгляд: настоящее всегда есть только повторение прошлого, а значит – всегда традиционно. К этому выводу приходит, например, Х.Л. Борхес, проанализировавший знаменитое изречение Марка Аврелия: «Да живи ты хоть три тысячи лет, хоть тридцать тысяч, только помни, что человек никакой другой жизни не теряет, кроме той, которой жив; и не живет он лишь той, которую теряет. Вот и выходит одно на одно длиннейшее и кратчайшее. Ведь настоящее у всех равно, хотя и не равно то, что утрачивается, так оказывается каким-то мгновением то, что мы теряем, а прошлое и будущее терять нельзя, потому что нельзя ни у кого отнять то, чего у него нет. Поэтому помни две вещи. Первое, что все от века единообразно и вращается по кругу, и безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, двести или бесконечно долго...» [9]. Для Борхеса эти слова означают не только отрицание реальности прошедшего и будущего, но и отрицание в духе Экклесиаста какой бы то ни было новизны в мире. И тогда снова происходит умаление мира, поскольку все человеческие судьбы одинаковы [10].

Итак, в философском постмодернизме не существует единых представлений о времени, и это не случайно, ведь сама философия постмодернизма не представляет собой единую целостную совокупность взглядов. Но время всегда мыслится свойством сознания: оно не разворачивается в реальности, постигается лишь опосредованно через знак, различие, традицию, память, культурный горизонт или что-то еще. Настоящее в этом времени поглощает прошлое и будущее, оказывается самодостаточным, делает невозможным выход за его собственные пределы «в другое время». Время больше не объективно, не универсально, но субъективно и специфично, это «собственное» время наблюдателя [11], существующее только «сейчас». Последнее выводит нас на проблему живого–неживого в восприятии времени, на все еще открытую проблему времени как атрибута

сознания, на проблему «коллективного» или «интерсубъективного» социального времени.

В связи с вышесказанным необходимо заметить, что неопределенность и множественность взглядов на время сближают философский постмодернизм и философскую постнеклассику. В самом деле, и постнеклассическая наука, и постнеклассическая философия тоже отказались от традиционного и однозначного понимания физического времени и давно лишили его классических атрибутов [12]: первичности (оно может полагаться эмерджентным), однонаправленности («стрела времени», по И. Пригожину, – лишь термодинамический эффект [13]), непрерывности (в квантовой термодинамике существуют модели дискретного времени, а согласно теории струн время имеет структуру), абсолютности (со времен теории относительности время связано с наблюдателем [14]). Подобная неопределенность онтологических свойств времени связана с его чрезвычайной сложностью, гарантированной самыми современными естественно-научными результатами. И сложность эта только увеличивается, если речь заходит о социальных временах, зависящих от физического, но связанных, помимо всего прочего, и с социальными практиками. С этой точки зрения, постмодернистские взгляды на время могут оказаться весьма полезными и для современной физики и, на наш взгляд, вполне способны обогатить ее новыми революционными идеями. В любом случае загадка времени еще очень далека от решения.

Список литературы

1. Руднев В. Словарь культуры XX века. М., 2001. 608 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. 387 с.
3. Деррида Ж. В Москве : деконструкция путешествия. М., 1993. 199 с.
4. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб., 1999. 208 с.
5. *Derrida J. Donner les temps. Paris, 1991. 232 p.*
6. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М., 1998. 480 с.
7. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М., 2000. 512 с.
8. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д. Краlechкина. М., 2007. 495 с.
9. Аврелий М. Наедине с собой. Размышления / пер. с древнегреч. А. В. Добровольского с прим. Б. Б. Лобановского. Черкассы, 1993. 224 с.
10. Борхес Х. Л. Письмена Бога. Циклическое время. М., 1992. С. 92–96.
11. Андраде де Силва Ж. Л., Лошак Ж. Поля, частицы, кванты / предисл. Л. де Бройля. М., 1972. 189 с.

12. Афанасьева В. В., Пилипенко Е. А. Онтология времени // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2014. Т. 4, вып. 24. С. 6–14.
13. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопр. философии. 1989. № 8. С. 3–19.
14. Пилипенко Е. А. Время : постнеклассическая онтология // Изв. Сарат. гос. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–58.

Time in the Philosophy of Postmodernism

E. A. Pilipenko

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: e.pilipenko@bk.ru

The purpose of this work is to analyze philosophers' postmodernists existing concepts of time. It is shown, that in the philosophical postmodernism there are no uniform conceptions about time, in view of the fact that philosophy of postmodernism is not present a uniform holistic totality of views. Brief retrospective of philosophical conceptions about time is constructed (J. Delez J. Derrida). It is shown, that the time in philosophical postmodernism always thoughts as a property of consciousness: it does not unfold in reality; it is just comprehended indirectly through the sign, difference, tradition, memory or culture horizon. The important role of present, which "absorbs" past and future and becomes self-sufficient by this, is distinguished. It is shown, that the time is no longer thought objective, universal property of the world, it's considered as an immanent consciousness, which is subjective and specific. It is shown, that the uncertainty of ontological properties of time is related to the emergency complexity of it as a phenomenon, which is guaranteed with the most modern natural scientific results.

Key words: time, postmodern philosophy, deconstruction, consciousness, discernment, trace, sign, text.

References

1. Rudnev V. *Slovar kultury XX veka* (A dictionary of twentieth-century culture). Moscow, 2001. 608 p.
2. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, 1981. 358 p. (Russ. ed.: *Bodriyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert*. Moscow, 2000. 387 p.).

3. Derrida J. *V Moskve: dekonstruktsiya puteshestviya* (Derrida J. In Moscow: the deconstruction of a journey). Moscow, 1993. 199 p.
4. Derrida J. *La voix et le phenomene*. Paris, 1967. 166 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlyya*. St.-Petersburg, 1999. 208 p.).
5. Derrida J. *Donner les temps* (Presentation of Time). Paris, 1991. 232 p.
6. Deleuze G. *Logique du sens*. Paris, 1969. 392 p. (Russ. ed.: Delez Zh. *Logica smysla*. Per s fr. Ya. I. Svirskogo. Moscow, 1998. 480 p.).
7. Derrida J. *De la grammatologie*. Paris, 1967. 360 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *O grammatologii*. Per s fr. i vstup. st. N. Avtonomovoy. Moscow, 2000. 512 p.).
8. Derrida J. *Leécriture et la difference*. Paris, 1967. 445 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Pismo i razlichie*. Per s fr. D. Kralachkina. Moscow, 2007. 495 p.).
9. Aurelius M. *The Meditations*. London, 1871. 204 p. (Russ. ed.: Aurelius M. *Naedine s soboy. Razmyshleniya*. Per. s drevnegrech. A.V. Dobrovolskogo s prim. B. B. Lobanovskogo. Cherkassy, 1993. 224 p.).
10. Borges J. L. *La Escritura del Dios*. Buenos-Aires, 1949. 12 p. (Russ. ed.: Borkhes Kh. L. Pismena Bogu. *Tsiklichesкое время*. Moscow, 1992, pp. 92–96).
11. Andrade de Silva J. L., Loshak J. *Quanta*. New York, 1969. 256 p. (Russ. ed.: Andrade de Silva Zh. L., LoShak Zh. *Polya, chastitsy, kvanty*. Predisl. L. de Broyllya. Moscow, 1972. 189 p.).
12. Afanaseva V. V., Pilipenko E. A. Ontologiya vremeni (Ontology of time). *Vestn. Volgograd. gos. un-ta. Ser. 7. Filosofiya. Sotsiologiya I sotsialnye tekhnologii* (Science Journal of Volgograd State University. Ser. 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies), 2014, vol. 4, iss. 24, pp. 6–14.
13. Prigozhin I. Pereotkrytie vremeni (Reopening of time). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1989, no. 8, pp. 3–19.
14. Pilipenko E. A. Vremya: postneklassicheskaya ontologiya (Time: postneclassic ontology). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015. Vol. 15, iss. 1, pp. 53–58.

УДК 168.522

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ВЫЗОВ

Попов Денис Александрович –

кандидат философских наук, доцент кафедры этики и эстетики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: pvdn@yandex.ru

В статье рассматривается влияние ситуации постмодерна на развитие гуманитарных дисциплин в начале XXI в. Отмечается, что исходный тезис постмодерна о бесконечной вариативности текстов оказывается угрозой для научного статуса истории, филологии, социально-экономических наук, которые лишаются возможности достоверно устанавливать истинное содержание исследуемых текстов. Выделяются различные стратегии, ко-

торые применяются гуманитарными науками для сохранения своего научного статуса: консервация прежнего методологического аппарата, частичная адаптация постмодернистских идей, ответная критика постмодернистского мировоззрения. Автор приходит к выводу, что все они являются неудовлетворительными и в настоящее время продолжается разрушение научного гуманитарного знания. Возможной стратегией противостояния